

Редуцированный до Петрушки

Почему Сергей Доренко снова ушел из телевизора

Второе пришествие на телевидение Сергея Доренко, которого в конце 90-х прозвали "телекиллером", закончилось, едва начавшись. Ведущий сам закрыл программу "Русские сказки", которая шла в прайм-тайм Рен ТВ, спустя два месяца после ее запуска. Доренко объяснил "Ленте.ру", что его не устроило качество телевизионной аудитории и требования устроить в эфире бой педерастов и хоругвеносцев.

Лента.ру: Сергей, я прочитал ваше многословное [сообщение](#) в Facebook, но, честно говоря, все равно не очень понятно, почему вы [закрыли](#) программу "Русские сказки". Она ведь шла в прайм-тайм...

Сергей Доренко: Закрыл, ага. А почему непонятно-то? Вы меня, по существу, задели, что вам непонятно, несмотря на мое многословие. Я не очень понимаю, как это так. В чем я многословен? Что плохого-то я написал?

Нет-нет, ничего плохого.

Мне просто неинтересно, и я не шучу. Мне неинтересно делать телепрограмму, потому что я весь "выгораю" в своем проекте на радио, настолько "выгораю", что мне нечего больше сказать. Вот смотрите, я столкнулся с тем, что я беседовал с телевизионными специалистами. И если я на радио работаю в полную силу интеллекта своего, в полную силу иронии, одним словом, в полную силу, то на телевидении, как меня убеждали специалисты телевизионные на Рен ТВ, я должен был работать с учетом того, что мой зритель иного уровня, он простоват.

Он настолько простоват, что я должен давать какие-то народные темы так называемые, я должен перебивать "Битву экстрасенсов" по рейтингу, понимаете, да? То есть мне предлагалось нечто настолько чуждое мне. Больше того, я брезгливо относился к самой концепции борьбы с "Экстрасенсами".

И, мне кажется, с ними не надо бороться. Мне говорили, что мы должны бороться с экстрасенсами, с каким-то педофилом, которого будут кастрировать, что мы должны позвать побольше педерастов, устроить их бой с [хоругвеносцами](#) прямо в студии, и это бы существенным образом поправило и взрывообразным образом увеличило бы рейтинг. То есть, побольше движухи, побольше "желтяка" вот такого какого-то.

Вы же знали, наверное, об этом, когда соглашались? Вы же на телевидении уже работали.

Я работал на телевидении, но я работал всегда в полную силу своего интеллекта, я никогда не подразумевал, что мне придется с гармоникой выступать в электричке, нет. Никогда у меня не было такой идеи.

Но вы же в итоге звали не педерастов с хоругвеносцами в эфир, а [Прохорова](#) и [Рогозина](#).

Но я же говорю вам о том, что желательно для канала. У меня вторая проблема существенная, что я не мог собрать свою старую команду, поскольку я не очень даже понимал, под что я ее зову. Понимаете, когда был бы какой-нибудь длинный контракт, они бы уволились со своих бывших мест работы. А так я не мог сказать: "Ребят, увольняйтесь, все за Сережей бегом". Мне, к сожалению, нечего сказать было своей команде, потому что это был такой новый проект, который был пронизан любовью ко мне руководства и моей любовью к руководству, чем каким-то прагматизмом и писаной буквой, понимаете?

Вы вот написали, что хотите работать для "интересной, интеллектуальной, ироничной, модной, классной, волевой" аудитории. Такие люди не смотрят Рен ТВ, что ли?

Я не знаю точно, честно, не знаю. Я знаю одно, что мы стоим на пороге существенной большой революции сейчас. И это будет революция контента. Эта революция давно назрела и даже, я бы сказал, перезрела, понимаете? И вообще система преклонения перед носителем, а телеканалы – это носители, очень скоро покажется архаичной.

В момент, когда появляется цифровое телевидение и Интернет, например, сможет течь со скоростью 16 гигабайт в секунду. То есть будет HD в обычной "широкополоске", понимаете? Мы стоим на пороге этого,

буквально, и как только это произойдет, будет спор контента, а не спор канала, потому что каналов будет неограниченное число, как сегодня сайтов, понимаете, да?

Я-то понимаю, но большая часть населения Интернетом не пользуется, она смотрит телевизор до сих пор.

Боюсь вас разочаровать: меня большая часть населения не интересует, потому что мне нужен равный мне собеседник. Вот мне с вами интересно разговаривать, а с большей частью неинтересно, вот и все. Ну, это очень понятно, да? У меня... Если вы меня слушаете утром... Вот вы меня утром слушаете?

Я не слушаю радио, у меня и машины-то нет.

Да, очень жаль, очень жаль. Слушайте, я когда говорю: "Позвоните кто-нибудь из космодрома Плесецк", мне звонят из Плесецка. Когда я говорю: "Позвоните мне, кардиохирург", мне звонит кардиохирург. Когда я говорю, что сейчас хочу услышать пилота ЯК-40, мне звонит не просто пилот ЯК-40, а тот, который именно пилотировал борт 42-434. То есть мне звонит не просто пилот, поймите, а пилот, пилотировавший борт 42-434.

Аудитория, с которой я имею дело на радио, - топовая, и притом она разнослойная. Когда мне нужен пациент вытрезвителя, я говорю: "Ребята, что там в вытрезвителе? Позвоните пациенту вытрезвителя! Позвоните, ребята, кто сидел недавно в Бутырках! Позвоните, профессура такого-то вуза!" Мне звонят любые люди, которым я скажу звонить, любые. У меня полмиллиона человек в день в радишоу, понимаете, полмиллиона! Один миллион восемьсот, по-моему, тысяч в неделю, понимаете, да, изысканнейших слушателей, среди которых я надеюсь увидеть и вас. Понимаете, да?

Я понимаю, но мне кажется, что вы можете примерно то же самое делать и на телевидении...

Нет. Нет. Нет. Нет. Неправда, нет, неправда. Потому что телевидение работает по площадям, это как бомбардировка, это не снайперская работа. А я работаю по душам. Это разные вещи. У меня изысканнейшая аудитория. Вот та ироничная, интеллектуальная, с которой я могу говорить ровно в свой рост, вот ровно в мой рост я говорю с ними, понимаете?

А на телевидении это не так. На телевидении я должен скрещивать педерастов с хоругвеносцами, потому что это прикольно.

А вот вас прыгать и бегать по кадру тоже заставляли? Или это ваше ноу-хау?

К сожалению, я очень динамичный человек и, боюсь, мне не удастся быть византийцем по-настоящему, я в поведении, безусловно, южанин, и как южанин я размахиваю руками, бегаю. Я делаю это и в радиостудии.

Просто интеллектуальную публику это может оттолкнуть.

Интеллектуальную публику с запором хроническим, может быть, и оттолкнет, а интеллектуальную публику, на которую рассчитываю я, это не может оттолкнуть.

А мне кажется, вы хамите гостям, довольно жестко с ними разговариваете...

Безусловно, это сглаживается самоиронией. Я настолько самоироничен, что я не могу быть заподозренным в унижении гостей. Я оправдываю любую дерзость самоиронией и слово "хамить", безусловно, от корня "хам" ко мне не подходит, потому что я никому никогда не хамил в жизни. Я не знаю, что это такое, потому что я не хам. Я как аристократ духа играю и жуирую, я не знаю, что значит хамить – хамят извозчики!

Ну извините, если задел...

Хамит – хам, я – не хам! Я иронизирую и смеюсь над собой. Я сегодня говорил в эфире, что блогер – идиот, я по себе знаю. Я всегда иронизирую. Если вы считаете это хамством, то мне трудно договориться о критериях с вами.

А вам руководство канала что-нибудь говорило о низких рейтингах вашей передачи?

Нет, я насколько понимаю, по рейтингу в сегменте информационно-аналитических программ я был

лидером. Да, я был лидером.

Честно говоря, и передач-то общественно-аналитических нет.

Я не знаю, я не задавался этим вопросом. Я знаю, что я был лидером в информационно-аналитическом вещании, но мне скучновато, потому что я хочу говорить в полный рост, я не хочу говорить, редуцируя себя до Петрушки, с тем чтобы удовлетворить телеаудиторию.

Говорили, что, может быть, это политика.

Нет, абсолютно исключено. Я вам точно говорю, что это абсолютно исключено. Вот, 100 процентов, понимаете, да? Если бы меня заставили молчать или еще что-нибудь, то я бы сейчас распустил какие-нибудь намеки.

Я вам верю, потому что Юрий Ковальчук (владелец "Национальной Медиа Группы", в которую входит и Рен ТВ) – друг [Путина](#), а вы, я так понял, Путин уважаете.

Я не просто уважаю Путина, а я, безусловно, функционально, точно понимаю, за что я уважаю Путина, и мои требования к Путину, в том числе политические мои требования – это требования большей жесткости. То есть я считаю, что Путин как раз недожимает.

А вы считаете, что интеллектуалы вашу позицию разделяют в этом вопросе?

Меня не интересует позиция интеллектуалов. Я абсолютно обеспеченный самодостаточный человек, и, безусловно, огромное число интеллектуалов разделяет мою позицию. Мою позицию не разделяют только плачущие шестидесятники, которых я недооцениваю, вплоть до презрения.

Процентов 90 моих знакомых с вами бы не согласились.

Шестидесятники! Это модно. Все время хотеть все ненавидеть, а 90 процентов моих собеседников, – это волонтеры в лесах на русских пожарах, это спасатели, которые ищут пропавшую девочку.

Вот мой круг, это люди, которые здесь и сейчас живут в Европе. Это люди, которые здесь и сейчас останавливаются перед зеброй, потому что они живут в Европе. Они не мечтают о Европе, они делают ее. А шестидесятники стонут, я, в общем, их презираю, конечно.

Понятно. Вы никогда больше на телевидение не вернетесь? Или это слишком громкое слово?

Слово "никогда" я бы не использовал. Мне не нравится это слово.

Я собираюсь визуализировать свое утреннее шоу на РСН "[Подъем](#)". Поэтому считайте, что я уже снова на телевидении. Просто я еще раз обращаю ваше внимание на то, что когда контент становится доминантой, телевидения как такового я вообще не продвигу в грядущей истории, я продвигу визуализацию тем или иным способом. Визуализация всегда будет, пока у людей есть глаза.

беседовал Илья Азар